

К. В. Кузнецов

РЕФЛЕКСИЯ КАК «УХОД» И «УХОД» КАК ВОЗМОЖНОСТЬ «ДРУГОГО»
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА «GENERATION 'П'»)

*Работа представлена кафедрой русской литературы
Череповецкого государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Чернов

В статье делается еще одна попытка интерпретации многоликой реальности героя в современной действительности. Актуальный способ «ухода» осуществляется посредством наркотического сна – символической смерти. В этом контексте у Пелевина появляется так называемый «внутренний мертвец», создающий дистанцию между сознанием и телом для бесконтактного наблюдения со стороны «внутри себя».

The article provides one more attempt to expound on a many-sided substance of a character in the contemporary reality. The actual way of «escape» is realized by means of drug sleep or «symbolic death». In this context one may discover a phenomenon of «internal corpse» that creates the distance between «body» and «soul» for non-contact control from the outside, being inside the character's consciousness.

Постмодерн, как мироощущение и как философско-эстетическая рефлексия, предполагает «диалог на основе взаимной информации, открытость, ориентацию на многообразие духовной жизни человечества»¹. Одно из его ключевых положений констатирует, что текст не отражает реальность, а создает новую, вернее, много новых реальностей, часто не связанных друг с другом². Проблема взаимодействия множества реальностей в рамках сознания персонажа и является объектом нашего научного интереса в контексте пелевинской картины.

С точки зрения поэтики «больших нарративов» роман «Generation 'П'» представляет собой «пародию на антиутопию с описанием многочисленных рекламных роликов и изображением реальности как изначально сконструированной, «сделанной» заведомо искусственной»³. Герой еще ясно не осознает симулятивность реальности, его окружающей, однако постепенно понимание этого приходит, пусть и на уровне подсознания.

*«Этот мир был очень странным. <...>
Сказать, что мир стал иным по своей суц-*

ности, тоже было нельзя, потому что никакой сущности у него теперь не было. Во всем царила страшноватая неопределенность»⁴.

Раздробленность, неоднозначность бытия определяют неоднозначность сознания, а на их стыке образуется неоднозначность внешнего образа человека. Именно «многоликость» реальности, способствующая искажению пространственно-временных перспектив, порождает «метафизические» размышления героев о ней, специфику ее философского осмысления.

Так, например, в отношении героя – Татарского – к реальности, И. В. Ащеулова выделяет два периода: «некий романтический период, связанный с попытками “писать для вечности”, создавать свой собственный текст, основанный на наблюдениях над жизнью; и прагматический период, который начинается с переводов как возможности зарабатывания денег, продолжается и доводится до логического конца в результате деятельности криэйтора»⁵.

Когнитивный сбой в сознании «поколения П» касается трех констант, регулирующих бытие индивида. Это образование,

социум и вечность. Или, иными словами, саморазвитие, идентификация, вера.

«Жизнь складывалась самым обычным образом. Он поступил в технический институт – не потому, понятное дело, что любил технику... а потому, что не хотел идти в армию. <...> Потом незаметно произошло одно существенное для его будущего событие. СССР, который начали обновлять и улучшать... улучшился настолько, что перестал существовать. <...> И тут случилось непредвиденное. С вечностью, которой Татарский решил посвятить свои труды и дни, тоже стало что-то происходить. <...> Ведь вечность – так, во всяком случае, он всегда думал – была чем-то неизменным, неразрушимым и никак не зависящим от скоротечных земных раскладов. <...> Оказалось, что вечность существовала только до тех пор, пока Татарский искренне в нее верил»⁶.

Основным способом восприятия окружающего мира поколением «П» является замещение. Духовный отец и идеолог движения «Нью-Эйдж» Карлос Кастанеда писал: «Окружающий мир, существующий в моем сознании, – это лишь привычка смотреть на него под определенным углом зрения. <...> Привычка смотреть на мир так, а не иначе вырабатывается незаметно, потому что нам не с чем сравнивать предлагаемый другими образ окружающей реальности. <...> Инициация завершена, когда он (ребенок) начинает воспринимать и интерпретировать поступающую извне информацию “так же, как другие”, тем самым поддерживая и укрепляя общественное соглашение относительно картины мира»⁷.

Если применить данный конструкт к судьбам героев романа, то центральный конфликт приобретает следующие очертания. Замещение ценностей у героев поколения «П» осуществляется в период их инициации. Завершается инициация по прохождении трех уровней самоидентификации: получение образования, обретение социальной значимости и укрепление веры (в общеметафизическом смысле). Герои поколения «П» потерпели крах в процессе

собственной идентификации, так как остановились в своем развитии на этапе «привычки». Не создав ничего нового, они пытаются пользоваться существующими образцами, так и не уловив их внутренней сути. Это касается и быта героев, и духовного содержания. К последнему мы относим их перспективы. У Пелевина обретенная мечта, чаямый идеал – это «сегодня» постперестроечной России, когда желаемый и заветный идеал западного образца жизни стал, казалось бы, реальностью. Главный герой – это типичный представитель поколения «П», или, словами М. Ю. Лермонтова, «...портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии»⁸.

Вавилен Татарский – копирайтер, человек продуцирующий рекламное клише (слоганы) товаров и услуг, реальность которых в расчет не берется. Иллюзорность результата профессиональной деятельности героя является прямым следствием симулятивности и нематериальных (идеалистических) компонентов его жизни. Институт – как попытка избежать армии, специальность – как наличие диплома, ключа к последующему росту. Вечность, которая является метафорой творчества, вообще перестала существовать. Вера – метафора признания, превратилась в шизофрению – метафору забвения. «Мы – это мир, а мир – это мы»⁹, – говорил Кастанеда.

«Основная катастрофа для Пелевина – в исчезновении индивидуальной воли и индивидуального сознания»¹⁰. Поступки Татарского, несмотря на свою спонтанность, диктуются некоей железной логикой, неким уже написанным сценарием. Однажды оказавшись внутри структуры, Татарский подчиняется ее законам и уже не свободен. Структура неизменна, независимо от политического строя, внутреннее жесткое содержание структуры сохраняется неприкосновенным, несмотря ни на какие видимые и революционные перемены. Это понимают и герои поколения «П»: «*суть происходящего в этой стране всегда будет той же самой*»¹¹. Этой сутью является иллюзия,

картинка без содержания, – тот самый «симулякр»¹².

Симуляция составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой господствующим кодом. А частные коды, по мысли У. Эко, как раз и «могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого и всеобъемлющего»¹³.

Герои поколения «П» стремятся к упрощениям в частностях, что, в свою очередь, приводят к упрощениям в абсолютном.

«– Усложняешь, – махнул рукой Морковин. – Жизнь проще и глупее. <...> Он вынул из кармана узкий футляр. <...> В футляре лежали тяжелые, красиво-уродливые часы из золота и стали.

– Это “Ролекс Уйстер”. Осторожней, не сбей позолоту – они фальшивые. <...> Когда будешь говорить с клиентом, ты ими так знаешь, побрякивай. Помогает»¹⁴.

Составным элементом кода при интерпретации коммуникативной модели поколения «П» можно считать непрерывающийся процесс замещения равнозначных явлений. Причем в традиционном смысле равнозначными эти явления можно назвать с большой долей условности. Такими, какими они предстают вниманию наблюдателя, делают их сами герои. Эта игра с реальностью и приводит к «симулякризации» последней. И уже сама структура отношений на любом уровне представляет собой процесс симуляции. Жизнь – простота и глупость, красивое – обязательно уродливое, позолота – фальшивая. И вообще, результатом любой деятельности героев поколения «П» оказывается лишь «побрякивание». Оно приводит к желаемому прагматическому результату, но постепенно диктует необходимость симуляции и самого автора. Человек как инициатор и субъект процесса становится лишним в процессе бесконечного перекодирования симулякров. Предикаты стремятся отказаться от субъектов, жизнь в ее повседневной текущести – от человека.

По мысли Н. А. Нагорной, у Пелевина множится само понятие реальности: «Во-

первых, это реальность будничная повседневная, имеющая симулятивный характер. Во-вторых, реальность потусторонняя, тоже иллюзорная и галлюцинаторная по сути. И, в-третьих, внутренняя реальность Пустоты»¹⁵.

Реальность воспринимается героями поколения «П» не как бытийственная данность с ее объективными законами: биологическими, социальными и духовными, а как муляжи или, точнее, миражи этих законов. Воспринимая внешнюю, контекстную структурность явления, герои не задумываются о его истинном содержании, вообще отказывая истине в праве на существование.

Основополагающей константой человеческого смысла всегда было достижение абсолюта – счастья в бытии. Счастье поколения «П» так же иллюзорно и перекодировано в денежные знаки: «Деньги стали главным смыслом их бытия, их циркуляция диктуется оральным, анальным и замещающим вау-факторами. Деньги – реальность, которая определяет наличие счастья. Однако эпифеноменами его становятся все более и более затейливые предметы, услуги, порой реально не существующие, как, например, королевство Бутан»¹⁶.

При этом деньги – это не воплощение успеха, возможностей и т. д. Деньги – в буквальном смысле всеобщий и «голый» эквивалент, отражающий главный нерв эпохи – непрерывающийся обмен, непрерывающуюся перекодировку, перевод – вещей, смыслов, знаков. При этом постепенно вещьность и семантика отступают, выпадают из процесса, уступая место куда более удобным в обороте «знакам». Герои поколения «П» занимаются постоянным обменом. Объект обмена с материальной точки зрения – иллюзии, фикции, фальшивки. Но дело не в нем, дело в том, что торг приобретает смысл концептуальный. Объект вообще вытесняется самоценным процессом. Торг, ассоциируемый обыкновено с торговлей и рынком, как вид коммуникативного отношения, предполагает в дан-

ном случае более широкое толкование. В некотором смысле «все ситуации взаимодействия предполагают индивидов, обменивающихся вознаграждениями (и наказаниями) и стремящихся извлечь выгоду»¹⁷. Метафорика торга и мысль о том, что «рынки и цены – основа человеческой природы»¹⁸, традиционно пронизывали американский культурный дискурс, однако в эстетике Пелевина являются основным культурным заимствованием героев поколения «П» у западного общества. Причем продается и покупается все, а лучше всего то, что продать вроде бы невозможно. Об этом свидетельствуют и герои романа Пелевина:

«– Теперь подумай: чем торгуют люди, которых ты видишь вокруг?»

– Чем?»

– Тем, что совершенно нематериально. Эфирным временем и рекламным пространством – в газетах или на улицах. <...> Соединить пространство и время через четвертое измерение первым сумел физик Эйнштейн. <...> Сейчас это делается очень просто – одна минута эфирного времени в прайм-тайм стоит столько же, сколько две цветных полосы в центральном журнале.

– То есть деньги и есть четвертое измерение? – спросил Татарский.

Ханин кивнул.

– Больше того, – сказал он, – с точки зрения монетаристической феноменологии это субстанция, из которой построен мир»¹⁹.

Переход из одного метафизического состояния в другое, из одного измерения в другое всегда сопровождается актом символической смерти. Старое, ненужное, отжившее – исчезает, на его месте проявляется нечто новое, но новое может и не появляться: *«Душа советского типа быстро догнивала и проваливалась внутрь самой себя»²⁰.*

Особенность человеческой культуры заключается в том, «что любое отношение в ней легко переворачивается с ног на голову. Два члена одной метафоры после ее длительного использования в конце концов

приобретают равноправие и начинают взаимообогащаться содержанием, попеременно становясь друг для друга зеркалом. И представления о «мертвенном» безучастном созерцании начинают использоваться в анализах для ответа на вопрос: «Что такое смерть?»²¹. В контексте самосознания поколения «П» смерть приобретает над-понятийное, символическое содержание.

Страх потери жизни на поверхности есть прежде всего страх окончательного прекращения действия сознания, мышления. Представление о прекращении действия сознания дает сон. Как сформулировал современный израильский мыслитель, «иудаизм говорит, что сон – это малая смерть. Спящий считается на одну шестидесятую мертвым... Сон – это признак человеческой тварности, это еще одна стигма грехопадения. Сон – это глобальный знак человеческой уязвимости, его неподвластности себе. Каждый день неумолимый как смерть приходит к нам сон, приходит, чтобы превратить нас на несколько часов в трупы. И поэтому по пробуждении евреи молятся – “Благодарю тебя Царь, что вернул мне мою душу”»²². В этом случае способность спать – и есть «болезнь к смерти», следы тления в живом теле. У Пелевина читаем: *«...я подозреваю, что каждый раз, когда мы ложимся спать, мы точно так же умираем. И солнце уходит навсегда, и заканчивается вся история. А потом небытие надоедает само себе, и мы просыпаемся. И мир возникает снова»²³.*

Концепция сна здесь представляет собой бесконечный цикл чередующихся реальностей. Фрейд утверждал, что сон – есть попытка реализовать желания человека в пространстве бессознательного. То есть сон – это та же реальность, но гипотетическая, вероятностная. Реальность сознательной жизни героев поколения «П» и реальность бессознательного (сна) представляют собой одно и то же пространство, тотальность виртуализации размывает любые материальные конструкты:

«У Саши Бло была особенность – те материалы, которые ему нравились, он подписывал своим настоящим именем. А больше всего на свете ему нравилось выдавать продукты своего разыгравшегося воображения за хронику реальных событий...»²⁴

Неслучайно концептуальным стремлением героев поколения «П» является стремление прорваться сквозь виртуальные миры к материальной реальности и ее простой истине через собственную интеллектуальную смерть и возрождение в чистом от всякого знания первоначальном существе. По утверждению Ольги Сергеевой, у Пелевина «наркотическое состояние служит выходу в иные миры и призвано спасти происходящее от социально-бытовой приземленности»²⁵. Может быть, это не совсем так, скорее это бегство не от реальности, а как раз к реальности, как она видится героям романа. Ведь критерием реальности является лишь острота ее восприятия и яркость впечатлений, а раз так, то реальнее то, что ярче и убедительнее:

«Когда ты принимаешь сверхдозу ЛСД или объедаешься пантерными мухоморами, ты совершаешь очень рискованный поступок. Ты выходишь из человеческого мира, и, если бы ты понимал, сколько невидимых глаз смотрит на тебя в этот момент, ты бы никогда этого не делал. А если бы ты увидел хоть малую часть тех, кто на тебя при этом смотрит, ты бы умер со страху. Этим действием ты заявляешь, что тебе мало быть человеком и ты хочешь быть кем-то другим. Во-первых, чтобы перестать быть человеком, надо умереть»²⁶.

Текст Пелевина постоянно возвращает нас к понятиям «другой», «другое Я», «наблюдатель» и «внутренний наблюдатель». Из приведенной цитаты видно, что пелевинский герой не нуждается в стороннем наблюдателе, так как мнение других его совершенно не волнует. Восприятие других, как и свое собственное восприятие, равно условны и нереальны. Для того чтобы настроить свое «Я» и свое «другое

Я» на единую волну коммуникации (диалог), необходимо уйти из изначально данной реальности в свою собственную сверхреальность.

Следуя утверждению, что «рефлексия – родственник смерти»²⁷, она и есть пелевинский внутренний мертвец, труп внутри живого тела – находящаяся внутри самого тела область «отлетания» души от него. Возникновение дистанции между сознанием и телом позволяет сознанию наблюдать за телом как бы со стороны. Наличие других наблюдателей не только излишне, но и негативно:

«Когда Татарский снова пришел в себя, он подумал, что действительно вряд ли переживет сегодняшнюю ночь. Только что его было пять, и всем этим пяти было так нехорошо, что Татарский мгновенно постиг, какое это счастье – быть в единственном числе, и поразился, до какой степени люди в своей слепоте этого счастья не ценят»²⁸.

Отстраненность самосознания героев поколения «П» от вероятных (биологических) «других» не замыкает круг этой отстраненности. Самосознание героя отстранено и от собственного сознания, что выражается в состоянии наркотического опьянения или так называемого явления микро-спиритуальной смерти, «а собственная гибель начинает восприниматься как зрелище, как эстетическое наслаждение высшего ранга»²⁹.

Таким образом, уход как акт становится самостоятельной проблемой для героев романа. Уход и означает обретение другого: даже если этим другим оказывается сам герой. Порочный замкнутый круг перекодировок ведет к поискам выхода из него через конструирование другого как «сверх-Я» героя. Бесконечное шизоидное разделение личности героя на «наблюдателя» и «действителя» не может декодировать текст реальности окончательно и непротиворечиво. Но в итоге этот поиск оказывается глубоко метафизичен, поскольку ставит во всей его полноте и очевидности вопрос: «А кто наблюдает за наблюдателем?»

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Маньковская Н. Б. Этика постмодернизма. СПб., 2000. С. 137.
- ² По Бергсону «реальность предстает перед нами как непрерывное фонтанирование нового, которое, едва возникнув в настоящем, уже отступает в прошлое: именно в этот момент его и замечает интеллект, взгляд которого всегда устремлен назад». См.: Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. С. 78.
- ³ Осьмухина О. Ю. О новых тенденциях в Российском романе рубежа XX–XXI веков (В. Пелевин, В. Сорокин, П. Крусанов) / Филологические исследования 2002: Межвузовский сборник научных трудов по актуальным проблемам литературоведения и языкознания, Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2003. С. 190.
- ⁴ Пелевин В. О. Generation П. М.: Вагриус, 2003. С. 19.
- ⁵ Ащеулова И. В. «Мир как тексты» в постмодернистских романах конца XX века (В. Пелевин, Т. Толстая) // Русская литература в новом тысячелетии. М., 2003. Т. 2. С. 6.
- ⁶ Пелевин В. О. Указ. соч. С. 15–16.
- ⁷ Кастанеда К. Путешествие в Икстлан / Пер. с англ. Е. А. Кочемировской. Харьков: Фолио, 2004. С. 4–5.
- ⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М., 1962. С. 6.
- ⁹ Кастанеда К. Указ. соч. С. 72.
- ¹⁰ Сергеева О. Пелевин – Верников – Сорокин и Великая Русская Литература / Урал, 1999. № 10. С. 152.
- ¹¹ Пелевин В. О. Указ. соч. С. 25.
- ¹² Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
- ¹³ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 84.
- ¹⁴ Пелевин В. О. Указ. соч. С. 27.
- ¹⁵ Нагорная Н. А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм: Дис. на соис. уч. степени д. ф. н. М., 2004. С. 326.
- ¹⁶ Семенова А. Л. «Что же такое Мы?!» (Роман Е. И. Замятина «Мы» и «Generation «П» Виктора Пелевина) / Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Статьи, очерки, заметки, библиография: В 11 книгах / Отв. ред. проф. А. Гилднер. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. Кн. XI. С. 165.
- ¹⁷ Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. С. 304.
- ¹⁸ Fabian A. Card Sharps, Dream Books and Bucket Shops. Gambling in 19th Century America. Ithaca; London: Cornell University Press, 1990. P. 172.
- ¹⁹ Пелевин В. О. Указ. соч. С. 145.
- ²⁰ Там же. С. 35.
- ²¹ Фрумкин К. Позиция наблюдателя: Отстраненное созерцание и его культурные функции. К.: Ника-Центр, 2003. С. 162.
- ²² Барац А. Презумпция человечности: европейская культура в контексте иудаизма. Иерусалим, 1998. С. 69.
- ²³ Пелевин В. О. Указ. соч. С. 54.
- ²⁴ Там же. С. 79.
- ²⁵ Сергеева О. Указ. соч. С. 153.
- ²⁶ Пелевин В. О. Указ. соч. С. 169.
- ²⁷ Фрумкин К. Указ. соч. С. 173.
- ²⁸ Пелевин В. О. Указ. соч. С. 170.
- ²⁹ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М., 1996. С. 65.